

С.Г. МАЛКИН

Империи на окраинах Европы: Россия и Британия в компаративном измерении (колониальная и окраинная политика)

В статье предлагается компаративный подход к изучению колониальной и окраинной политики Российской и Британской империй в эпоху Нового времени в свете сопоставимого опыта морских и континентальных держав. Указаны методологические трудности упрощенного понимания колониальной и окраинной политики так называемых “морских” и “континентальных” империй. Обозначены перспективы изучения Британской и Российской империй как империй на окраинах Европы.

Ключевые слова: Россия, Британия, империя, окраины, колонии.

Характерная особенность общественно-политических и профессиональных дискуссий на тему современного миропорядка в России и за рубежом с наступлением XXI в. — заметное внимание к теме империи. Во многом это связано с тем, что современное положение США наводит многих комментаторов на мысль об “Американской империи”, следующей по пути достижений и промахов в установлении глобального доминирования другой англосаксонской державы — Британии [Фергюсон 2013; Cooper 2002, pp. 7–43; Morefield 2014]. Кроме того, возросшая за последние годы внешнеполитическая активность России по отстаиванию своих интересов на постсоветском пространстве уже традиционно дает повод (особенно в государствах, входивших в состав СССР) к политически и экономически ангажированным рассуждениям о попытках Москвы возродить “советскую империю”, ставшую расхожим определением и для заметно более вдумчивых попыток постичь исторический опыт СССР [Hirsh 2005; Martin 2001].

Наконец, неспособность целого ряда национальных государств (прежде всего, на Ближнем Востоке и в Северной Африке) обеспечить своим гражданам элементарные гарантии безопасности их жизни и имущества возвращает научно-экспертное сообщество к вопросу о роли империй в мировой истории (как положительной, так и отрицательной), их месте в историческом процессе в поисках наиболее эффективной формы политической организации пространства. В 2016 г. исполняется ровно 100 лет соглашению Сайкса-Пико, во многом заложившему сотрясаемые в наши дни основы политической конфигурации Ближнего Востока, и обращение к имперскому наследию европейских держав в этом свете кажется тем более оправданным.

При этом в последние годы историки все больше внимания уделяют таким понятиям, как “имперская/колониальная ситуация”, “имперские/колониальные практики”. Они значительно шире и гибче таких понятий, как “империя”, “империализм”,

Малкин Станислав Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета. Адрес: 443099 Самара, ул. М. Горького, 65/67. E-mail: s.g.malkin@mail.ru

“колониализм”, и охватывают различные примеры неравных отношений центра и периферии, идет ли речь о классических заморских колониях или внутренних окраинах. Уместно будет вспомнить, что само слово “Imperium” изначально подразумевало суверенную власть на той или иной территории. Невозможность дать универсальное, адекватно характеризующее различные имперские ситуации определение империи, теряющее смысл прямо пропорционально частоте его употребления в академических и публичных дискуссиях между сторонниками различных школ и направлений изучения этого феномена в истории, только подтверждает необходимость акцентирования внимания на методах и способах политики центра в отношении периферии. Только такой подход позволяет предметно рассуждать о ней как об окраинной, колониальной или имперской.

В этом смысле плодотворно сравнение особенностей исторического развития России с опытом стран, также имеющих традицию имперской метрополии и соответствующей трактовки суверенитета. Ведь сам факт, что Россия была империей, не объясняет сложностей, которые она испытывала и испытывает в сохранении полноты политической (и не только) власти в регионах, по-прежнему сохраняющих особый культурно-исторический облик и национальный состав [Наследие империй... 2008].

Одним из важнейших достижений историографии Российской и Британской империй за последнюю четверть века представляется преодоление малопродуктивного противопоставления европейских морских и континентальных империй Нового времени, приводившей к ошибочной абсолютизации естественных различий между ними. Неудивительно, что до недавнего времени (в ряде случаев и поныне) в качестве аналогов Британской империи рассматривались преимущественно Французская или Испанская колониальные империи, а Российская империя традиционно сопоставлялась, главным образом, с ее континентальными соседями — Австрийской (Австро-Венгерской), Германской (значительно реже) и Османской империями. Впрочем, необходимо отметить, что в последние годы тенденция заметным образом меняется [Imperium Inter Pares... 2010].

Разумеется, едва ли не важнейшим предметом сопоставления в первом случае стали заморские владения держав, а объектом изучения при этом — колониальная политика за океанами. Историки фактически смотрели на Британскую империю глазами самих британцев, вплоть до конца XVIII в. либо вовсе отрицавших представление о собственной стране — о Соединенном (с 1707 г.) Королевстве Великобритании и (с 1800 г.) Ирландии — как об империи, либо соглашавшихся отнести к ней лишь заморские колониальные владения. Так, на рубеже XIX—XX вв., в момент расцвета Британской империи, классик теории британского империализма профессор Кембриджского университета Дж. Сили был вынужден разъяснять своим соотечественникам, что такое “Великая Британия”, и в чем связь между колониализмом, империализмом и процветанием Великобритании в будущем [Сили 2004, с. 9—326]. Даже провозглашение королевы Виктории императрицей Индии в откровенно имперском XIX в. (1876 г.) вызвало в Британии неоднозначную реакцию. Лидер либералов У. Гладстон определил произошедшее как “театральную напыщенность”, а лидер тори и тогдашний премьер-министр Б. Дизраэли заявлял, что “имперский стиль может понравиться индийским раджам” (о том, понравится ли он британцам в метрополии, умалчивалось) [Брендон 2010, с. 192].

Любопытно, что в отечественной исторической науке и общественно-политических дискуссиях диссонанс между реальной политикой и ее восприятием также находил и находит место — представление о России как об империи до сих пор с трудом увязывается с таким, по сути, вполне естественным следствием имперского статуса, как реализация Петербургом различных колониальных практик на своих “национальных” окраинах (Западный край, Поволжье, Кавказ, Сибирь, Средняя Азия), в том числе из арсенала европейских колониальных держав. Речь, в частности, идет о выстраивании сложной ткани взаимоотношений военных и штатских чинов на службе метрополий и представителей местных элит в контексте интеграции внутренних окраин

и освоения заморских территорий; об асимметричном характере административных и правовых норм и традиций на периферии и в центре; о социальной инженерии как способе расширения политического и экономического присутствия империй в колониях на окраинах за счет повышения уровня лояльности по отношению к ним со стороны местных жителей.

В этой связи А. Столер и Ф. Купер, изучавшие морские империи, несколько лет назад высказали важное методологическое наблюдение: «Концепции долгого XIX в. в европейской истории слишком сосредоточены на “нации-государстве” и проявляют недостаточно интереса к “империи”» — как форме политической организации пространства с, несомненно, значительно большим багажом исторического опыта (цит. по [Миллер 2008, с. 51]). Этот тезис развил Г. Кеймен: “Мы привыкли к мысли о том, что Испания создала свою империю, но полезнее было бы поработать с идеей о том, что империя создала Испанию” [Кеймен 2007, с. 10]. Схожую мысль применительно к истории Британской империи высказала Л. Колли, показавшая, как много значили имперские успехи для формирования общебританской идентичности в островной метрополии [Colley 1992]. Применительно к российской специфике об этом плодотворно рассуждает А. Миллер, реконструируя историческую реальность формирования и бытования различных национализмов и самого понятия “нация” в рамках империи [Миллер 2008].

Сравнительно-историческая перспектива позволяет по-новому поставить и вопрос о соотношении лояльности и идентичности в европейских империях Нового времени и увидеть, что в действительности именно имперские элиты строили нации в ядре собственных империй и никогда не пытались включить все имперское пространство и всех подданных империи в такой проект национального строительства. Так, после Англо-шотландской унии 1707 г. и унии с Ирландией 1800 г. под британцами подразумевались подданные Соединенного Королевства (англичане, валлийцы, шотландцы, ирландцы) с акцентом на их приверженности протестантскому престолонаследию. В Российской империи проект русской нации был сформулирован в 1830–1860-х гг. и включал в ее состав великороссов, белоруссов и малороссов, а также финно-угорские народы Поволжья.

Исключив такую исследовательскую перспективу, специалисты по истории Британской империи лишили себя возможности заметить то важное обстоятельство, что на протяжении всех XVIII, XIX и даже начала XX вв. более уместно говорить о двух параллельных и тесно взаимосвязанных проектах имперского строительства — на Британских островах и за океанами. При этом в отношениях со своими кельтскими окраинами — гаэльской Ирландией и гаэльской Шотландией — Лондон руководствовался, во многом, той же логикой, что и типичные континентальные империи в отношениях со своей периферией, не отделенной от метрополии огромными морскими пространствами. Если обратиться к заморским колониальным предприятиям Лондона (в первую очередь, в Индии), то параллели с политикой Петербурга (в данном случае, в Средней Азии) становятся еще очевиднее, историографически и риторически (экспертами, политиками, писателями, журналистами) конституируясь в рамках понятия “Большая игра” [Сергеев 2012].

Разрушение непреодолимой прежде преграды в компаративных исследованиях между морскими и континентальными империями заметно увеличило их познавательный потенциал [Миллер 2008, с. 53]. Так, об Ирландии как о “первой колонии Англии” говорили давно, о Горной Шотландии в таком ключе — в контексте внутренней колонизации — стали писать с середины 1970 гг. [Hechter 1975; Withers 1988; Ellis 2003, pp. 221–231]. Однако в российской британистике это направление исследований еще формируется [Апрыщенко 2006; Апрыщенко 2008; Малкин 2011]. О включенности кельтских окраин в процессы имперского строительства за морем на правах активных участников и авторов колониальных проектов содержательно (речь, прежде всего, идет о Горной Шотландии) заговорили только в 2000-х гг. [MacKillop 2000; Dziennik 2010]. Между тем участие ирландцев и шотландцев в колониальных предприятиях за

рубежом по-прежнему часто изучается в отрыве от имперских процессов, протекавших в самой метрополии.

В то же время компаративный подход к изучению особенностей окраинной политики в Российской империи также относительно нов [Российская... 2004; Imperial Rule 2004; *Ливен* 2007]. Даже такой именитый журнал, как “Ab Imperio”, работающий в проблемном поле набирающей популярность новой истории империй, за редкими исключениями практически целиком посвящен изучению исключительно Российской империи, Советского Союза и постсоветского пространства (см., например, содержание журнала в 2000–2009 гг.). При этом применение концепции внутренней колонизации к анализу взаимоотношений центра и периферии в империи Романовых в свете опыта других европейских держав получило наибольшее развитие [Imperium inter Pares... 2010].

В рамках институциональной истории Дж. Плэнк первым обратил внимание на то, как британские генералы и администраторы приобретали колониальный, по сути, опыт управления в Хайленде, который они применяли затем в заморских владениях (верно и обратное), представив британскую армию в Горной Стране не столько инструментом в руках правительства, сколько самостоятельным институтом с собственными представлениями о роли и задачах военных в умиротворении Горного Края, формировавших перспективу применения армии в подобных процессах в других регионах – в колониях [Plank 2006]. Эта идея получила дальнейшее развитие [Thomas 2008; Hevia 2012; Walton 2013]. А Дж. Олмейер предложила рассматривать Ирландию как своеобразную “лабораторию империи”, где вырабатывались характерные черты более поздней британской (изначально английской) колониальной политики [Ohlmeyer 2004, pp. 26–60].

На эмпирическом уровне, имея в виду представление об армии как колониальном институте европейских империй Нового времени, необходимо отметить, что в свете российского опыта окраинной политики эта идея получает весомое подтверждение. На Украине и Кавказе, в Западном крае, Поволжье и Туркестане в XVIII–XIX вв. военные чины одновременно со своими профессиональными обязанностями занимались администрированием этих беспокойных окраин. Они не только смирляли своеволие запорожских казаков, горцев, поляков, башкир или туркменских племен, но и учреждали новую судебную систему (самый, наверное, яркий пример – военно-народные суды на Кавказе), формировали новую местную элиту (кооптируя ее представителей в общеимперскую элиту в том числе через раздачу военных чинов), проводили социально-экономические преобразования и пополняли “копилку” колониального знания о местных народах. Так, на Кавказе и в Средней Азии практически все научные экспедиции сочетали познавательные цели с военными – по сути, шел и сбор разведанных [Западные... 2007; Северный Кавказ... 2007; Центральная Азия... 2008].

Такую схожесть политики Британии и России диктовала, конечно, необходимость решения общих проблем, обусловленных спецификой условий, в которых приходилось действовать российским и британским властям на окраинах. Так, военное присутствие и Лондона в шотландских горах, и Петербурга в горах Кавказа в XVIII–XIX вв. предполагало военное строительство (форты и крепости), военное сотрудничество с представителями местных элит (ведомые вождями отдельные роты из горцев в Шотландии и дружины грузинских князей, ополчения осетин, чеченцев, ингушей и других народов региона под началом своих “командиров”) и постоянную гарнизонную службу. Общими были и тактика горной войны, требующая установления контроля над проходами, и партизанские действия в рамках “малой войны”. При этом на Кавказе (как и на окраинах Британской империи) в среде Низового корпуса (в первой половине XVIII в.), а затем и Кавказского (в XIX в.) шел процесс формирования особой корпоративной этики “кавказца” [Лапин 2008; Курукин 2010]. Более того, в этом смысле Российская империя в окраинной политике практиковала тот же набор мер и опиралась на те же институты, что и другие европейские империи Нового времени – достаточно вспомнить политику Вены на Военной Границе [Костяшов 1997].

Рассмотрение Соединенного Королевства как “империи в миниатюре” позволяет обратить более пристальное внимание и на соотношение “традиционности” и “модерности” морских и континентальных империй. Сегодня историки признают не только то, что традиционные континентальные империи в XVIII и особенно в XIX в. уже не были вполне “традиционными”, но и то, что в “модерных” морских империях сохранялось немало традиционных элементов общественного устройства и форм контроля над периферией. Известный историк и специалист в области сравнительного изучения империй Д. Ливен, например, предлагает рассматривать Российскую и Британскую империи не только как континентальную и морскую, но и как империи на периферии Европы, подчеркивая схожий характер некоторых имперских стратегий этих держав. Экспансия на европейских окраинах была осуществима для них много легче и сулила большие выгоды, чем продвижение в глубь материка в ходе дорогостоящих и изнурительных войн с другими европейскими державами [Lieven 2004, pp. 133–149].

Более того, если в заморских колониях Лондон действительно широко использовал не прямые формы правления, то в управлении Ирландией и Горной Шотландией институт наместничества (должность лорд-лейтенанта для Ирландии и отдельного государственного секретаря для Шотландии) существовал (с перерывом в Шотландии) на протяжении всего XVIII в., как и сословно-династические формы легитимации власти. В последний раз Лондон ввел прямое правление на “Изумрудном острове” чуть более десяти лет назад (в связи с очередной вспышкой насилия в Северной Ирландии). Организация управления на кельтских окраинах с точки зрения распределения властных полномочий между центром и периферией во многом была выстроена на тех же началах, что и на южных российских окраинах — с опорой на представителей местных элит.

Неудивительно поэтому, что Британская империя не избежала еще одной проблемы, считавшейся исключительно “континентальной”, — проблемы лояльности народов и этнических групп, проживающих в сопредельных империях. Миллер в одном из своих эссе по методологии исторического исследования очень точно определил отношения между империями Габсбургов, Романовых, Османов и Гогенцоллернов по поводу “польского”, “украинского”, “армянского” и других национальных вопросов как “макросистему континентальных империй на окраинах Европы” [Миллер 2008, с. 32–42].

Но так ли эти отношения отличны от взаимодействия британцев, французов, испанцев в Америке с индейцами в XVIII в. или взаимодействия британцев и французов на “черном континенте” уже в XIX в. (если мы говорим о заморской Британской империи), или от политики Лондона в Ирландии в контексте тесных этнокультурных связей севера Ирландии (Ольстер) и Горной Шотландии еще тогда, когда Лондон и Эдинбург были врагами? В конце концов, стремление Вильгельма Оранского удержать Ирландию было, не в последнюю очередь, вызвано тем, что останься Дублин за Дж. Стюартом, тот, вероятно, не упустил бы возможность использовать давние историко-культурные связи Ольстера с Горной Страной в борьбе за престол. Еще в 1698 г. парламентарии Англии обсуждали вероятность прибытия из Ирландии в Горную Шотландию А. Макдонелла, 3-го графа Энтрима, и “подъема” им “20000 имени или клана Макдонелл” в Горной Стране против Короны (см. [The Journal of the House of Commons 1802, pp. 184–188]).

Таким образом, рассмотрение Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии как своеобразной “империи в миниатюре” в общеевропейском имперском контексте позволяет увидеть те механизмы государственного контроля Лондоном своих окраин, их военно-политического, экономического, социокультурного освоения и осмысления, которые трудно разглядеть при абсолютизации исключительности и уникальности морской и континентальной сути современных европейских империй. То же верно и в отношении Российской империи. Компаративный подход не только позволяет нормализовать историю ее окраинной политики, но и способствует разоблачению мифов о ее исключительном — репрессивном и экспансионистском — характере, по-прежнему используемых в политических целях [Историческая политика... 2012]. Британия и Россия в эпоху Нового времени при таком подходе обнаруживают

амбивалентные черты морской и континентальной держав одновременно, что, в свою очередь, делает возможным более основательное изучение особенностей окраинной политики на Британских островах и широких просторах Евразии.

Ливен однажды заметил, что между империями различий все же больше, чем сходства [Ливен 2007]. Со своей стороны хотелось бы добавить, что именно сходства позволяют увидеть различия – российский и британский пути интеграции периферии в рамках институтов и структур обеих империй. Если с геополитической и институциональной точек зрения параллели в данном случае просматриваются (на уровне тенденций и логики взаимоотношений между центром и периферией в европейских державах Нового времени), то экономические и социокультурные основания их окраинной и колониальной политики разнились существенно. В частности, в России, в отличие от Великобритании, процесс формирования общеимперской идентичности не был отражением строительства самой империи как таковой и не шел параллельным курсом. Напротив, он сдерживался, поскольку лояльность предполагаемой русской нации вступала в конкуренцию с лояльностью трону, что представляло серьезную дилемму для династии Романовых в “национальном” XIX в.

Этот диссонанс препятствовал эффективному решению различных национальных вопросов, что особенно ярко проявилось в ситуации Первой мировой войны. Так, Британия смогла мобилизовать более 138 тысяч индийцев для участия в военных действиях на Западном фронте. Но практически сразу после войны от Лондона отпала Ирландия. Российская же империя перестала существовать как таковая. Впрочем, это уже другая история, требующая отдельного, самостоятельного разговора – об особенностях исторического развития России как таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апрышенко В. Ю. (2006) Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов-н/Д.: Ростовский государственный университет.

Апрышенко В. Ю. (2008) Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д.: Южный федеральный университет.

Брендон П. (2010) Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. М.: АСТ.

Западные окраины в составе Российской империи (2007) М.: Новое литературное обозрение.

Историческая политика в XXI веке: Сборник статей (2012) М.: Новое литературное обозрение.

Кеймен Г. (2007) Испания: дорога к империи. М.: АСТ; Хранитель.

Костяшов Ю. В. (1997) Сербь в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград: Калининградский государственный университет.

Курукин И. В. (2010) Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига.

Лапин В. В. (2008) Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский университет.

Ливен Д. (2007) Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа.

Малкин С. Г. (2011) “Мятежный край Его Величества”: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб.: Дмитрий Буланин.

Миллер А. (2008) Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение.

Наследие империй и будущее России (2008) М.: Новое литературное обозрение.

Российская империя в сравнительной перспективе (2004) М.: Новое издательство.

Северный Кавказ в составе Российской империи (2007) М.: Новое литературное обозрение.

Сергеев Е. Ю. (2012) Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Сили Дж. Р. (2004) Расширение Англии // Сили Дж. Р., Крэмб Дж. А. Британская империя. М.: Эксмо, с. 9–326.

Фергюсон Н. (2013) Империя. Чем современный мир обязан Британии. М.: Corpus.

Центральная Азия в составе Российской империи (2008) М.: Новое литературное обозрение.

- Imperium inter Pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) (2010). М.: Новое литературное обозрение.
- Colley L. (1992) *Britons: Forging the Nation, 1707–1837*. London: Yale Univ. Press.
- Cooper R. (2002) *The Post-Modern State and the World Order*. London: Demos.
- Dziennik M. (2010) *The Fatal Land: War, Empire, and the Highland Soldier in British America, 1756–1783*. Vol. I. Edinburgh: University of Edinburgh.
- Ellis S. G. (2003) Why the History of “the Celtic Fringe” Remains Unwritten // *European Review of History. Revue européenne d’histoire*. Vol. 10. No. 2. Pp. 221–231.
- Hechter M. (1975) *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Hevia J. (2012) *The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca and London: Cornell Univ. Press.
- Imperial Rule (2004). Budapest: CEU Press.
- Lieven D. (2004) *Empire on Europe’s Periphery: Russian and Western Comparisons* // *Imperial Rule*. Budapest: CEU Press. Pp. 1–6.
- MacKillop A. (2000) “More Fruitful Than The Soil”: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, East Lothian: Tackwell.
- Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca and London: Cornell Univ. Press.
- Morefield J. (2014) *Empires Without Imperialism: Anglo-American Decline and the Politics of Deflection*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Ohlmeier J. H. (2004) *A Laboratory for Empire?: Early Modern Ireland and English Imperialism* // *Ireland and the British Empire. The Oxford History of the British Empire. Companion Series*. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 26–60.
- Plank G. (2006) *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia: Pennsylvania Univ. Press.
- The Journal of the House of Commons (1802). Vol. 12.
- Thomas M. (2008) *Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley, Los Angeles, London: Univ. of California Press.
- Walton C. (2013) *Empire of Secrets: British Intelligence, the Cold War and the Twilight of Empire*. London: Harper Press.
- Withers C. W. J. (1988) *Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region*. London and New York: Routledge.

Empires on the border lands of Europe: Russia and Britain in Comparative Perspective (Colonial and border lands Policy)

*S. MALKIN**

***Malkin Stanislav** – Doctor of Historical Sciences, Professor of the World History, Law and Methodology of Education Dept., Samara State Social-Pedagogical University. Address: 443099, M. Gorky st., 65/67, Samara, Russia. E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Abstract

In article is offered comparative approach to the study of colonial and marginal policies of Russian and British Empires during an era of Modern time in the light of comparable experience of sea and continental powers. Methodological difficulties of the simplified understanding of colonial and margins’ policy of so-called «sea» and «continental» empires are specified. Prospects of studying of the British and Russian empires as empires on the margins of Europe are designated.

Keywords: Russia, Britain, empires, margins, colonies.

REFERENCES

- Apryshchenko V. Y. (2006) *Klanovaya sistema gornoj Shotlandii: tradicii i modernizaciya* [The Clan System of the Highlands: Tradition and Modernization]. Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvennyj universitet.
- Apryshchenko V. Y. (2008) *Uniya i modernizaciya: stanovlenie shotlandskoj nacional'noj identichnosti v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [The Union and Modernisation: The Establishment of the Scottish National Identity in XVIII – First Half of XIX Century]. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj federal'nyj universitet.
- Brendon P. (2010) *Upadok i razrushenie Britanskoj imperii 1781–1997* [The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1997]. Moscow: AST.
- Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii* (2008) [Central Asia is Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Colley L. (1992) *Britons: Forging the Nation, 1707–1837*. London: Yale Univ. Press.
- Cooper R. (2002) *The Post-Modern State and the World Order*. London: Demos.
- Dziennik M. (2010) *The Fatal Land: War, Empire, and the Highland Soldier in British America, 1756–1783*. Vol. I. Edinburgh: Univ. of Edinburgh.
- Ellis S. G. (2003) Why the History of “the Celtic Fringe” Remains Unwritten. *European Review of History: Revue europeenne d'histoire*, vol. 10(2), pp. 221–231.
- Ferguson N. (2013) *Imperiya. Chem sovremennyj mir obyazan Britanii* [Empire. The Modern World Owes Britain]. Moscow: Corpus.
- Hechter M. (1975) *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Hevia J. (2012) *The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca and London: Cornell Univ. Press.
- Imperial Rule* (2004). Ed. by A. Miller, A. J. Rieber. Budapest: CEU Press.
- Imperium inter Pares: rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* (2010) [Imperium inter Pares: The Transformers Role at the Russian Empire History, 1700–1917]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej* [Historical Policy in the XXI Century: A Collection of Articles] (2012). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- The Journal of the House of Commons (1802) Vol. 12.
- Kejmen H. (2007) *Ispaniya: doroga k imperii* [Spain's Road to Empire]. Moscow: AST; Hranitel'.
- Kostyashov Y. V. (1997) *Serby v Avstrijskoj monarhii v XVIII v.* [Serbs in the Austrian Monarchy in the XVIII Century]. Kaliningrad: Kaliningradskij gosudarstvennyj universitet.
- Kurukin I. V. (2010) *Persidskij pohod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722–1735)* [Persian Campaign of Peter the Great. Nizovoy Building on the Shores of the Caspian Sea (1722–1735)]. Moscow: Kvadriga.
- Lapin V. V. (2008) *Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv.* [Russian Army in the Caucasian War XVIII–XIX Centuries]. St.-Petersburg: Evropejskij universitet.
- Lieven D. (2004) Empire on Europe's Periphery: Russian and Western Comparisons. *Imperial Rule*. Budapest: CEU Press, pp. 1–6.
- Lieven D. (2007) *Rossijskaja imperiya i ee vragi s XVI veka do nashih dnei* [The Russian Empire and Its Rivals from the XVI Century to the Present Day]. Moscow: Evropa.
- MacKillop A. (2000) “*More Fruitful Than The Soil*”: *Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815*. East Linton, East Lothian: Tackwell.
- Malkin S. G. (2011) “*Myatezhnyj kraj Ego Velichestva*”: *britanskoe voennoe prisutstvie v Gornoj Shotlandii v 1715–1745 gg.* [“The Rebellious Region of His Majesty”: the British Military Presence in the Highlands of Scotland, 1715–1745]. St.-Petersburg: Dmitrij Bulanin.
- Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca and London: Cornell Univ. Press.
- Miller A. (2008) *Imperiya Romanovyh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Empire of the Romanovs and Nationalism. An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Morefield J. (2014) *Empires Without Imperialism: Anglo-American Decline and the Politics of Deflection*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Nasledie imperij i budushchee Rossii* (2008) [Heritage of the Empire and the Future of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Ohlmeyer J. H. (2004) A Laboratory for Empire?: Early Modern Ireland and English Imperialism. *Ireland and the British Empire. The Oxford History of the British Empire. Companion Series*. Ed. by K. Kenney. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 26–60.

Plank G. (2006) *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia: Pennsylvania Univ. Press.

Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive (2004) [Russian Empire in a Comparative Perspective]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [North Caucasus within the Russian Empire] (2007). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Sergeev E. (2012) *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii* [The Grand Game, 1856–1907: Myths and Realities of the Russian-British Relations in Central and Eastern Asia]. Moscow: Tovariščestvo nauchnyh izdanij KMK.

Sili G. (2004) Rasshirenie Anglii [Expansion of England]. *Britanskaya imperiya*. Moscow: Eksmo, pp. 9–326.

Thomas M. (2008) *Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Walton C. (2013) *Empire of Secrets: British Intelligence, the Cold War and the Twilight of Empire*. London: Harper Press.

Withers C. W. J. (1988) *Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region*. London and New York: Routledge.

Zapadnye okrainy v sostave Rossijskoj imperii [The Western Edges of the Russian Empire] (2007) Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.